

В мае 1992 года Хакасия будет отмечать 130-летие со дня рождения известного ученого-тюрколога Николая Федоровича Катанова. Фильм, рассказывающий о драматической судьбе этого необыкновенно талантливого человека, намерена выпустить к юбилею Казанская студия кинохроники. Киногруппа в течение месяца вела съемки в Хакасии и Туве.

Корреспондент «Советской Хакасии» встретился с создателями фильма.

Георгий Владимирович КОКОВ,
режиссер:

— Первоначально мы планировали сделать трехчастевой фильм. Но, когда был написан сценарий, стало ясно, что он тянет на полнометражный фильм. И не только из-за своего объема. Материал оказался очень интересным, и не было смысла его сокращать. К такому же выводу пришел и художественный совет. Сократить сценарий — значит не раскрыть какие-то стороны жизни и творческой научной деятельности Николая Федоровича Катанова. Ведь он был разносторонне одаренным человеком.

ные, с которыми мне доводилось говорить. Однако именно в 1903 году, после защиты магистерской диссертации, Катанов понял, что находится в тупике. Его надежды на возрождение Казанского университета как центра ориенталистики в России не оправдались. Не было факультета восточных языков, которым некогда славился университет, не застал Катанов в Казани и профессоров — тюркологов, давно переехавших в Петербург. Не было у Н. Ф. Катанова постоянных учеников. Его лекции как экстраординарного профессора университета не были обяза-

ходили в свет, то их авторы во всяком случае не попадали под арест.

— Изнурительная, неблагодарная работа отняла у Катанова почти десять лет жизни, расстрачено много физических и нравственных сил. Можно представить, сколько много он мог бы за это время сделать для науки.

— Ему приходилось научную преподавательскую деятельность сочетать с этой службой. Ведь деньги нужны были ему не только для содержания семьи. Катанов на свои деньги покупал книги и дарил их библиотекам, организовывал музеи: нумизматический — при университете, этнографический — в духовной академии (там он одно время преподавал)... Кроме того, он активно участвовал в становлении Минусинского и Тобольского музеев. К сожалению, сейчас три его музея в Казани исчезли. В республикан-

курсу был сразу избран профессором Казанского университета. Став деканом археологического факультета, затем — восточного, преподавал в Высшей музыкальной школе, на чувашских курсах. То есть как специалист он был нарасхват. У него совершенно не было времени. Свою последнюю работу — «Восточную хронологию» он обдумывал даже в магазинных очередях. А что было делать! Гражданская война, голод, голод был и очень нетребовательных людей отнимал много времени. Приходилось Николаю Федоровичу, как и другим владельцам огородов, охранять свой участок. Воровали многие. Он и профессор борис Миллер кочами сидели в дырявом баране, караулили, развлекая друг друга разговорами на восточные темы. Потом Б. Миллер напечатал: «Эти ночные дежурства и стояние в очередях очень подорвали здоровье Николая Федоровича. Впрочем, оно уже было подорвано работами цензором. В последнем, очень трагическом, письме председателю Временного комитета по делам печати Ивнигину в 1916 году он писал: «Я умоляю вас, освободите меня от этой работы. Потому что у меня настроение такое, что хочется уйти в мир иной. У меня нет сил, волея, больна моя жена». У него были поражены сердце, легкие. А умер Николай Федорович, заболев туберкулезом. Вообще-то после удачно проведенной операции он мог бы выжить, но полноценного питания не было. Поэтому, можно сказать, что он умер от голода.

Об этом человеке можно рассказывать бесконечно. Но наш фильм прежде всего о его научной и просветительской деятельности.

— Вы только начали съемки фильма. Есть ли у вас какие-то проблемы, связанные с ним?

Г. В. КОКОВ:

— В Госкино СССР нам предложили включить фильм в план на 1992 год, обещая выделить необходимую сумму в рублях и валюте (она нужна для поездки киногруппы в Турцию). Мы с этим не согласились: не успели бы сделать фильм к юбилею Н. Ф. Катанова. Вопрос о включении фильма в план Госкино и финансировании остался открытым. Хотя в Москве провалили заинтересованность в нашей работе и предложили кое-какие варианты. Но время не ждет, пока все утрясается в столице. Мы приступили к съемкам, имея на руках 80 тысяч рублей, выделенных Хакасским республиканским исполкомом. Недавно нам пообещали выделить еще 50 тысяч рублей. Если ресисполком сумеет полностью субсидировать фильм, то он станет по сути его владельцем, сможет распоряжаться его драматической судьбой.

Наша работа в Хакасии, а также в Туве завершена. Впереди — съемки в Санкт-Петербурге, Казани, Стамбуле, Москве. Когда фильм будет готов, первыми его зрителями, безусловно, станут жители Хакасии. Думаю, нашу работу с интересом воспримет и асосоциальный зритель. Он соскучился по образу интересного, неординарного человека на экране.

Вела интервью
В. КОКОВА.

ФИЛЬМ О НАШЕМ ЗЕМЛЯКЕ

Ирина Федоровна КОКОВА,
автор сценария:

— Я уверена, знакомство с личностью Катанова станет откровением для большинства зрителей. Признаться, я сама открыла его для себя совсем недавно. Сначала прочитала монографию профессора ЛГУ С. Н. Иванова о Н. Ф. Катанове. Она мне показалась не очень интересной: образ Катанова вырисовывался слабо. Лучше узнать его помогли встречи с профессором Ивановым, членом-корреспондентом АН СССР Тенешевым, с учеными ХакНИИЯЛИ, работа в Государственном историческом архиве, архиве Академии наук... Письма Катанова ученым: Радлову, Залиману, Пекарскому дали возможность заглянуть во внутренний мир этого человека. В Казани мне пришлось перелистать десятки томов «Известий общества археологии, истории и этнографии» (Н. Ф. Катанов более десяти лет возглавлял это общество). Я убедилась, что материалы, связанные с именем Катанова, множество, но они, увы, не изучены современными исследователями. А значит, этот ученый до сих пор не оценен по достоинству. В той же Казани отношение к нему довольно неравнозначное.

— С чем же это связано?

— Пожалуй, с тем, что Николай Федорович Катанов в течение десяти лет был членом Временного комитета по делам печати, попросту говоря, царским цензором. Он хотел заниматься исключительно наукой, но практически был лишен такой возможности. В этом трагедия его судьбы. Его «чистая» научная работа по существу завершилась в 1903 году, когда он написал «Опыт изучения урянхайского языка». «Опыт...», обобщивший результаты его многочисленных экспедиций по Восточной Сибири, Туркестану, Урянхайскому краю, имеет колоссальное значение и для современной тюркологии. Так утверждают все уче-

тельными. Правда, очевидцы утверждали, что лекции читал он очень интересно и при возможности к нему приходили студенты со всех факультетов. К сожалению, Н. Ф. Катанов смог воспитать очень немногих тюркологов.

Будучи экстраординарным (сверхштатным) профессором, талантливый Н. Ф. Катанов получал всего две тысячи рублей в год. В то время, как самый заурядный профессор, но в штате, получал не менее четырех тысяч. Николай Федорович, остро чувствовавший свою ответственность за благополучие семьи, вынужден был искать заработки. В 1907 году его, знавшего 114 языков, пригласили во Временный комитет по делам печати в качестве цензора книг на восточных языках. В принципе он и эту чиновничью службу старался обратить на пользу себе: через его руки проходила вся восточная литература, он пропагандировал ее, писал рецензии. К несчастью Катанова, со временем эта деятельность стала приобретать не столько иной оттенок. Он, всегда говоривший о том, что политика и наука — вещи несовместимые, вынужден был переводить и все возрастающий поток политической литературы. Он стал этому отчаянно сопротивляться, каждый год писал заявления с просьбой освободить его от цензorstва. Лишь однажды, в 1912 году, уступили его просьбе, но буквально на месяц. Потом генерал-губернатор Стрижевский лично просил его вернуться к работе. Ну, представляете себе положение профессора, считавшегося в России инородцем... Катанов согласился поработать, но поставив свои условия: «Буду читать ограниченно...». В своей книге, которую я для себя назвала «Реабилитация профессора Катанова», постаралась доказать, что он был добрым цензором. Он очень лояльно делал перевод с татарского, киргизского и других языков. И если некоторые книги и не вы-

ском музее и в Музее этнографии при Казанском университете сохранились лишь отдельные катановские коллекции.

Да и при его жизни отношение общества к подвижничеству ученых, их просветительской деятельности было равнодушным. Тот же Николай Федорович в тяжелое для себя время — в 1914 году — пришел к выводу: все, что он делает, никому не нужно. Свою богатейшую библиотеку — девять тысяч томов на тюркских языках — он предлагал иркутскому генерал-губернатору, туркменскому... Но те ответили отказом. Турецкий же премьер-министр Хильми-паша, по приезду в Казань, узнав о продаже библиотеки, моментально прислал к Катанову своего представителя.

Эта библиотека сейчас находится в Стамбульском университете, в очень хорошем состоянии. «Она представляет огромную ценность», — так сказал нам во время недавней встречи в Абакане профессор Стамбульского университета Осман Сертка. Его активно пользуются все тюркологи мира. Кроме советских. А я считаю, что нашим ученым надо не только пользоваться этой библиотекой, но и изучить ее, написать научный труд. Неплохо бы им вспомнить и о том, что в архивах Татарстана лежат тысячи неопубликованных страниц рукописей Катанова. Все это нужно прочесть, отредактировать, издать. Осталось очень много этнографического материала: песни, сказки, загадки — всего того необходимого сегодня для возрождения национальной культуры.

— Все, о чем вы рассказываете, заставляет воспринимать судьбу Катанова действительно как трагедию. Как складывались последние годы его жизни?

— Н. Ф. Катанов был безразличен к политике, но в душе он, наверное, приветствовал революцию. Она дала ему возможность вернуться в науку. Николай Федорович по всероссийскому кон-